

4 • «МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ» • 28 марта 1995 г.

ПРАВИЛО СМОКТУНОВСКОГО

стоятельства затеяют результат, неожиданность которого — цель творчества. А в зрительном зале появляются полухамское потребительское полузнание и уверенность в праве судить художника не по законам, им для себя принятым, а по беглому зрительскому разумению. А еще хуже — "коллек-

тивным разумом". Но ведь это неправда, что "искусство принадлежит народу". Оно может принадлежать только каждой отдельной личности — да и то, если эта личность как следует потрудится. Смоктуновский обращался к чувствам людей, собравшихся смотреть спектакль или фильм, доверяя их душевной способности переживать, — а потом уже, по дороге домой, размышлять и рассуждать об увиденном...

Доверяя! Вот главное... Хотя век нынешний старательно воспитывает в нас прямо противоположное.

Внимательный биограф артиста справедливо заметил, что напрасно некоторые

коллеги Смоктуновского посмеивались над теми зрителями и критиками, которые восхищались аристократизмом художественного почерка артиста. Откуда, мол?!

Деревня в Томской области, семья крестьянина, ставшего грузчиком в Красноярском порту, фронт, плен, полужизнь в театре в Норильске, скитания по провинциальным городам... было это, все было!

Но не вытравило природную, я бы сказал, романтическую элитарность, выражавшуюся одновременно и в желании оградить себя от суеты и в стремлении обогатить зритель. В какой бы грязи ни барахтались его некоторые персонажи.

Он сочинил книгу, которую назвал "Время добрых надежд", и написал в ней: "Люди мелкие ищут комфорта, любой популярности, денег, люди крупные — самих себя". Он был сам верен этому правилу.

Сегодня ему исполнилось 70 лет.

Он не дожид до юбилея немногим более полугода...

Александр ШЕРЕЛЬ.

За сорок восемь лет работы на сцене и три десятилетия практики в кино драматический артист Смоктуновский еще раз доказал тщетность любых попыток проникнуть в творческую лабораторию художника. Конечно, если это мастер масштаба самого Иннокентия Михайловича.

Рецензии, статьи, книги о нем переполнены рассуждениями о загадке дарования. И это прекрасно, что загадкой — как и всякий истинный творец — он так и останется в вечности. Тайна рождения образа и должна оставаться тайной — по крайней мере для зрителя. Иначе быт театра, приводящие об-